

МСЛОДЫЕ артисты подражают тембру ее голоса, манере говорить, отточенной дикции, интонациям. Между тем она — воплощенная скромность, тихая, негромкая. Глядя на нее, трудно предположить, какая сила духа скрыта в этой женщине. Но игра народной артистки Грузинской ССР и Абхазской АССР Минадоры Ивановны Зухба, полная резких контрастов, внезапных переходов, заставляет поразиться этой силе.

50 лет назад началась сложная творческая биография актрисы. Более 100 сценических жизней прожило ею за эти годы.

Людьми иногда кажется, что стать актером просто — стоит только овладеть навыками этой профессии. Но когда на сцене появляется М. Зухба, понимаешь громадную дистанцию между просто актером и мастером. Актриса приносит с собой на сцену большую культуру, интеллигентность, сценический опыт.

Минадора Ивановна Зухба родилась в селе Гумриш в 1909 году. Детство ее прошло в Тбилисском детском доме. В годы революции она была в том возрасте, когда душа особенно широко открыта впечатлениям бытия. И она жадно впитывала эти впечатления. Желание стать актрисой родилось в детстве и никогда не оставляло. Театр для нее был не просто театром, а воплощением передовых идей века. Ясно было, что идти надо только туда. И ее приняли. С этого момента вся ее жизнь принадлежит сцене. Она прошла вместе с Абхазским театром весь путь сближения с новой действительностью, участвовала в его лучших спектаклях.

Одно из самых удивитель-

ных свойств творчества Минадоры Ивановны — умение воплощать на сцене женственное. Оно — не просто в манере двигаться, говорить, носить костюмы, но в особом внутреннем, духовном изяществе ее героинь. И в абсолютном знании женской природы. Долгое время казалось, что именно в этом — суть актрисы, сек-

ходках, всегда точных и остроумных, сообщающая веселую легкость игре.

Но это — всего лишь одна грань ее дарования, а их много. Играла она и гордых, страстных женщин, их образы были созданием актрисы большого размаха, ума, вкуса. Среди привычных театральных обстоятельств возникали сложные, противоре-

«Салуман» Ш. Пачалиа, Шоукар в спектакле Г. Габуния «Перед восходом солнца», Эллы в драме Войновича «В бурю», Зейнаб в «Измене» А. Сумбаташвили, Южина, Гудихан в «Искушении» Д. Ахуба, Мадины в пьесе А. Лагвилава и Г. Сулиашивили «Абрскил», Кесарин в пьесе Иоселиани «Пока арба не перевернулась», в зрительном зале стоит благоговейная тишина.

Многие актрисы умели раскрывать на сцене глуби-

меньше ростом, на лице следы страданий, голос тих, шаги неуверенны. И вдруг, услышав горячие слова о мести, клятву, произнесенную другим Салуманом, она взвивается, словно птица, гордая и непокорная. Это уже не слабая женщина, призывающая к милосердию, а человек, борющийся за честь и достоинство свое и своих детей.

— Больше всего люблю играть в пьесах, в которых пронзительно звучит мысль

тебя не зависит, но это, во всяком случае, зависит от тебя. Таковы героини Минадоры Ивановны, такова и она сама!

В 1959 году Абхазский театр осуществил постановку трагедии Еврипида «Медея». Страшный миг соперничества, доходящего до растворения в происходящем, пережили, наверное, все видевшие этот спектакль. В роли Медеи Минадора Зухба удивляла своим искусством. В каждой

ка, доброжелательна. Не «терепит» партнеров, ждет, когда роль «проступит» сама. Муки творчества скрыты за постоянной готовностью улыбнуться, найти смешное. Притом — серьезность и настойчивость в поисках. В свои роли вчитывается долго, пробует, острожно. Никто не заставит ее заговорить во весь голос, прежде чем она не осознает свое на это право.

Сегодня Минадора Ивановна Зухба играет еще одну мать — Кесарию в пьесе Иоселиани «Пока арба не перевернулась». Играет, со своим постоянным партнером — народным артистом СССР Ш. Пачалиа. «Славное, к чему мы с Ширахом Абзаговичем стремимся от спектакля к спектаклю, — это достигаться до лучшего человека, «соскрести что-то с души», если он не безнадёжно испорчен, убедить его стать лучше, — говорит актриса. — Он образумится, стоит приоткрыть перед ним краешек бездны, куда он себя ввергает, говоря словами Шекспира — «обратить ему очи внутрь себя». Это проблема накали, от которой никто не застрахован. Накали, но не коррозия. И потому периодически нужно делать такую «генеральную чистку» в душевном хозяйстве каждого из нас, актеров, и зрителей, — ведь хороших людей больше, страна не скудеет сердцами, открытыми для добра. Я в это твердо верю».

Жизнь Минадоры Ивановны Зухба — пример возвышенного отношения к театру и к своей профессии. И поэтому, аплодируя ей, за каждый раз аплодирует не только прекрасной игре актрисы, но и ей самой — человеку, женщине, художнику.

В. ЧЕРКЕЗИЯ,
театровед.

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ВЕРНОСТЬ ТЕАТРУ

рет ее обаяния. Может быть, так оно и было. Но шли годы, появилась новая глубина в исполнении, новая самоотверженность — художественная и человеческая.

Старые театралы до сих пор помнят ее Гунду в спектакле «Скала героя» Г. Гулиа, Минат в комедии М. Шавлохова «Жених». Хануму в одноименной комедии А. Цагарели, Камачич в пьесе А. Ласуриа «Искренняя любовь», Каму в «Любях доброй воли» Г. Мдивани. Есму в спектакле «Черные гости» Г. Гулиа, Медею в трагедии Еврипида, Циру в пьесе «Краски мира» Г. Абашидзе, Софью в «Последних» Горького, Зейнаб в «Измене» А. Сумбаташвили-Южина, Шоукар в спектакле «Перед восходом солнца» Г. Габуния, Карамсаду в драме «Салуман» Ш. Пачалиа... Трудно определить амплитуду актрисы. Например, о Минадоре Ивановне можно сказать, что она актриса комедийная, характерная — пример тому ее Ханума. Характерность ее внутренняя, тонкая. Юмор проявляется неожиданно, в чудесных на-

чиные женские характеры, целые внутренние силы, активности, способные утвердить свое право на существование. И в то же время героини ее именно в силу своей значительности несли на себе печать какой-то отчужденности и одиночества и из-за своего душевного богатства были более беззащитны и ранимы. М. Зухба мыслит в искусстве идеально, без скидок на расхождение понятий. Ее захватывает прекрасное, она тратит жизнь на то, чтобы утвердить начала добрые, гуманные, призвать людей к участию. Нравственный комплекс, который разрабатывает в своих ролях актриса, приобретает на наших глазах гражданское звучание.

Через все свое творчество Минадора Ивановна пронесла одну, главную тему — женщины-матери, которую можно выразить словами Некрасова: «То слезы бедных матерей». И каждый раз, когда актриса выходит на сцену, живя жизнью своей героини-матери, будь то образ Карамсады в драме

ну и силу материнского чувства. М. Зухба находится в этой вечной теме свою ноту — она играет талант материнства. Почти все матери, которых ей довелось воплощать на сцене, — матери героев. Она передавала в этих ролях способность матери постичь смысл судьбы своих детей, стать вровень с ними в высочайшем духовном, человеческом подвиге, когда мужество детей обнищало к мужеству матери. «У каждого из нас есть самая любимая сценическая работа. Для меня это роль Карамсады в драме «Салуман» Ш. Пачалиа, — вспоминает Минадора Ивановна. — Как только я получила пьесу, началась моя страда, мое трудное театральное счастье. Роль отняла у меня много душевных сил, но и принесла великое творческое удовлетворение». В этой роли М. Зухба можно сравнить с сильной, вольной птицей: выбыл вожак из стаи, рванулась вперед мать его птенцов и повела за собой всю стаю.

Вот в глубоком трауре входит мать — Зухба-Карамсада: она словно стала

об ответственности человека за то, что происходит в стране, и за все вокруг, мысль о том, что такие дела, как национальное угнетение, травля инакомыслящих, оскорбление чужого достоинства, не проходят даром для тех, кто их совершает, — приводит в конце концов к разрушению личности. — говорит Минадора Ивановна.

Эти мотивы в той или иной транскрипции присутствуют в лучших работах Зухба. Она рассматривает каждую свою роль в свете тех норм поведения, которые ее героини добровольно себе избирают. Актриса не приемлет ссылок на обстоятельства, на то, что «все и всегда так». Она говорит:

— В любых обстоятельствах находятся такие люди, которые действуют «применительно к подлости», и такие, которые не мирятся с тем с чем мириться нельзя, а главное — ничего себе не прощают. Что бы ни было, будь порядочным! Как бы ни повернулась жизнь, с тобой ничего не спишется, если ты поступила не по совести! Есть многое, что от

секунде ее сценического существования поражали настоящая художественная смелость и внутренний такт, чувство особого художественного равновесия, не дающие сорваться, сфальшивить. «Медея у Зухба — женщина титанической силы, готовая на любые поступки ради мести человеку, обманувшему ее, насмеявшемуся над ее любовью и честью. В ее окаменевшем лице, в движениях — какая-то обреченность, а в широко раскрытых глазах можно было уловить тот страшный замысел, который она осуществит. Это глубоко трагический образ», — пишет в своей книге «Талант и вдохновение» доктор искусствоведения А. Аргун.

Минадора Ивановна Зухба не только великодушная актриса, умный, чуткий толкователь пьес. У нее остро развита способность чувствовать каждую роль по-актерски, сопереживать ее вместе с партнером. Репетирует Минадора Ивановна спокойно, без тени неврастении, не тратит излишней пылкости там, где достаточно логики. Терпелива, мяг-

Пятница, 15 ноября 1985 г.

Советская Абхазия
г. Сухуми